

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Олег Измеров

Дети Империи

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
ИЗ7

Измеров О. В.

ИЗ7 Дети Империи: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 440 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1338-6

Простой инженер — без ноутбука, не служивший в спецназе ГРУ и даже без магических способностей — попадает в параллельное прошлое, где не было Великой Отечественной, у власти в СССР оказывается Берия, Гитлер жив и грозит ядерным оружием. И можно было бы, подобно другим попутанцам, заводить романы с прелестными дамами, петь под гитару песни из будущего и давать советы местным конструкторам, но... мир надо спасти, пока на родной город не упала атомная бомба. А заодно и поразмыслить, может ли простой человек изменить свой мир к лучшему.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1338-6

© Измеров О. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

*ОТ АВТОРА,
или Мы типа все из будущего*

На тему альтернативной истории сегодня только ленивый не пишет.

И правильно. Приятно отправить современного главного героя в прошлое, где он, разумеется, самый умный и все ему заранее ведомо. Потому что все мы историю узнали из учебников, а в них, как сказал с экрана Тихонов, историю показывают так, будто в ней орудовала банда двоечников. Вот и представляется герою возможность эти ошибки исправить — например, Великую Отечественную на пару лет раньше выиграть или не допустить развала Союза, а то и — чего мелочиться-то? — освободить Индию от британского ига. Или же наоборот: закинет судьба современных героев, таких крутых и продвинутых, в прошлое, а там и выясняется, что на самом деле они гроша ломаного не стоят. И герои, пройдя в прошлом через испытания, возвращаются в наше гламурное настоящее другими людьми. И даже совесть имеют, столь необходимую в современном бизнесе.

Так что пора на все это смотреть с иронией. Вот автор и решил — просто взять обычного человека, рядового россиянина, который пережил волонтеризм, застой, перестройку, либерализацию, приватизацию и стабилизацию и, стало быть, морально подготовлен к смене эпохи, отправить его на полвека назад и посмотреть, что он там увидит и как будет выкарабкиваться.

Автор сразу предупреждает, что в прошлом не все пойдет так, как ожидают читатели. А что делать? От Гайдара тоже все ждали одного, а получилось... Но это уже оффтопик, то бишь об этом надо говорить в другое время и в другом месте.

Нетерпеливый читатель сразу спросит: будут ли в жизни главного героя романы с красивыми женщинами, криминал, спецслужбы наши и не наши, Сталин, Берия, Гитлер, выстрелы

и погони? Обязательно! Без этого сегодня никто ничего читать не станет. Но не каждый день. Потому что если в жизни нашего обыкновенного россиянина каждый день будут новые романы с красивыми женщинами, криминал, спецслужбы наши и не наши, Сталин, Берия, Гитлер, выстрелы и погони, то он не доживет до конца повествования.

Ну что, поехали?

Часть первая ВХОД БЕЗ ПРОПУСКА

Глава 1 ДВЕРЬ ЗАХЛОПНУЛАСЬ

До рассвета было еще далеко. Виктор Сергеевич, или, как он чаще всего представлялся знакомым по еще не отброшенной привычке, просто Виктор, не спеша шел по улице 3-го Интернационала, где изредка проносились машины, разбрасывая резиной налетевшую за ночь снеговую кашу. Муть цвета воды, подкрашенной молоком, колыхалась в свете фонарей и рекламы. Ветер гнал низкие тучи в сторону Радицы.

«Ну и февраль», — подумал Виктор. Погода напоминала ему скорее о декабре или марте. Когда он видел такую мягкую середину зимы? В шестьдесят девятом? Или в восьмидесятых?

На торговом центре Тимошковых горела рекламная панель, поражая внимание своей бессмысленностью в это раннее время. Ролик сменился заставкой — часами, и Виктор прибавил шагу: он спешил занять очередь в кассы предварительной продажи.

На площади автостанции продувало, и ветер превращал влагу, налипшую на железных ступенях пешеходного мостика, в тонкую корочку льда. «Лестница в небо, — мелькнуло у него в голове, и через секунду: — Хорошо, что нищих нет в такую рань». Держась за перила — под варежками от стальных уголков тоже поползла хрупкая застывшая пленка, — он осторожно начал подниматься туда, где сквозь подсвеченный городским заревом рваный тюль облаков пробивались утренние звезды. Со стороны барачков, что еще до революции тянулись здесь вдоль путей, ветер принес легкий, знакомый с детства запах угольного дыма.

Виктор пропустил узкую боковую лестницу на вторую платформу — хотя здесь путь до входа в вокзал был короче, идти понизу, где ждал осклизлый переход через пути, не хотелось. Он осторожно проследовал дальше и спустился по основной лестнице, широкой и заворачивающей к зданию вокзала буквой

«Г», прошагал мимо высоких окон с византийскими арками наверху, зашел за угол и, толкнув дверь, очутился в большом зале с двумя рядами квадратных колонн — послевоенный архитектор тяготел к классике. Освещение показалось Виктору тускловатым. «Экономят», — подумал он и практически машинально двинулся к кассе предварительных продаж, припоминая на ходу дату и номер поезда.

У кассы неожиданно для Виктора никого не оказалось — он даже подумал, не перепутал ли время, — окошки были наглухо занавешены желтоватой шторой, за которой, судя по всему, света не было. «Странно, шторы повесили», — мелькнуло в голове; он помнил, что в прошлый раз здесь были жалюзи. На всякий случай протер глаза — и заметил, что еврорамы с пластиком и пластиковый прилавок тоже куда-то исчезли, а вместо них стояли новые, еще хранящие запах лака деревянные рамы, окошко, как раньше, округлое и забрано деревянной заслонкой. Виктор невольно оглянулся, удивившись этому неожиданному ретро; то, что он увидел, поразило его еще больше. Пол был из бетона с мраморной крошкой, как когда-то давно, в детстве, а на стенах — как же этого он сразу не заметил-то — горели сдвоенные канделябры с лампами накаливания и стеклянными абажурами в форме шишек. Может, это и было сразу замечено, но осталось без внимания: в конце концов, какая разница, как сейчас оформляют вокзалы! За годы реформ кто только не подался в дизайнеры по интерьеру...

«Черт, да я же сплю!» Виктор бросился тереть глаза, несколько раз себя ущипнул, но ничто не менялось. Зал был теплым, очень теплым и странно пустым. Ну да, он спит, он видит этот вокзал таким, как было когда-то, в очень далеком детстве, это воспоминания... Возможно, он вообще еще никуда не ходил, он все еще спит, ему кажется, что он пытается проснуться... Так, однако, можно и опоздать в кассу. Надо что-то делать. Надо выйти из вокзала. Во сне наверняка память покажет ему что-то странное, искаженное...

Он потянул на себя ручку — бронзовую большую ручку, рубчатый цилиндр с шариками на концах на большой дубовой двустворчатой двери со вставными стеклами — и выскочил на перрон. В лицо ему полетели снежинки.

Слякоти не было. Вокруг было морозно, сыпал снег, практически метель, ветер гнал белую сухую поземку по платформам, кружил в свете шаров-фонарей, что появились на пешеходном мостике. Виктор машинально застегнул ворот и поду-

мал, что надо бы и уши шапки опустить — задувает. Бывало ли во сне холодно? Он не помнил. Он заглянул за угол и вместо сероватой силикатной пятиэтажки увидел под светом фонаря, качавшегося на деревянном столбе, деревянные частные домики, уходящие в темноту, в сторону Ново-Советской. Платформу от привокзальной площади отгораживал забор. Сзади, где-то со стороны Молодежной, раздался стон паровозного гудка. Паровозного — этого Виктор не мог с чем-то спутать. Он обернулся: со стороны базара на путях стоял товарняк, где среди четырехосных вагонов и платформ — с буксами не на роликовых подшипниках, а на простых, с крышками для смазки — затесались двухосные. Слишком много деталей, мелочей, будто кто-то специально пытался восстановить все как лет сорок назад, или даже больше, в деталях, иногда совпадавших, иногда не очень. Бетонные урны-колокольчики — это было. Большие часы на башне вокзала — нет, таких не было, он помнил стандартные электромеханические, а эти прямо настоящие башенные... Да, это не настоящее. Наверное.

Становилось зябко. Виктор вновь повернулся и вошел внутрь вокзала. Там было все так же тихо, такая же песочно-желтая окраска стен с белой лепниной, такой же пол, на котором таял прилипший к его ботинкам снег, оставляя лужицы. Легкие шаги гулко отдавались под высоким потолком, и где-то в невидимой отдушине приглушенно завывал ветер.

И тут до Виктора вдруг дошло, что он в одну секунду потерял всех родных, близких, знакомых — и вдобавок ко всему очутился в непонятном месте без паспорта и денег. Потому что если это действительно прошлое, то ни Российской Федерации, ни тем более современных купюр здесь быть не может.

Глава 2 ПОЛЕТ БЕЛОЙ ВОРОНЫ

Виктор почувствовал, как его внезапно охватывает какое-то глубокое, инстинктивное отчаяние. Он не понимал, что делать и куда ему идти; он опять выскочил на улицу; там была все та же метель и поземка, и из глубины станции слышались два свистка паровоза. Он вновь бросился обратно, попробовал выйти и войти в зал через другие двери. Все безрезультатно.

— Потерял небось чего-нибудь?

Его окликнула уборщица со стороны проема в зал ожидания, полная тетка лет сорока в синей рабочей теплой спецодежде и черном фартуке. Она прислонилась к стене деревянную швабру и держала в руках большую бурую тряпку из мешковины, которую только что выполоскала в десятилитровом оцинкованном ведре.

«Надо делать вид, что ничего не произошло. А то за дурака примут или хуже».

— Да... авторучку где-то посеял... вот...

— Батюшки... небось с золотым пером?

— Да нет, простая... да ну, ерунда, может, просто забыл.

— Ну а перепугался-то... думаю, документы посеял или грóши... А то народ, знаешь, разный бывает: у нас давеча чемодан сперли... и милиция протокол писала, и свидетелей искали... вот вроде потом чемодан-то нашли, так что если что произошло...

— Нет, все нормально. Это я просто думал, когда ручки не нашел, что и кошелек выронил, а потом вспомнил — он в другом кармане. Растерялся. Спасибо.

— А, растерялся... а на вокзале теряться не надо, тут потеряться легко...

«Не хватало еще, чтобы милиция документы проверила», — всплыло вдруг в голове. Вывеска линейного отделения маячила у двери между расписанием и питьевым фонтанчиком. Надо было куда-то идти отсюда; на улицу не хотелось, и Виктор прошел в зал ожидания, полуудивленно увидев там деревянные диваны с высокими спинками и надписью «МПС», деревянный газетный киоск в одном углу и деревянный же книжный ларек в другом; оба были закрыты. Он тяжело опустился на скамью и закрыл глаза; потом вновь открыл, в тайной надежде увидеть мир измененным; потом закрыл опять.

Спокойно, думал он. Это, скорее всего, бред, галлюцинация, просто такой связный бред, наверное, бывает. Значит, медицина поможет, хотя на это уйдет какое-то время. Однако для больного странно понимать, что он бредит, — обычно бред принимают за истину. Ну ладно, это детали, надо как-то продержаться, за что-то уцепиться или как там.

Предположим худшее: это не бред. Так. Значит, с семьей и родными все в порядке, не надо себя изводить, это я потерялся, потерялся только я. Как они там без меня... впрочем, может быть, и не без меня, может, пока я тут, там не прошло и мгновения. Может, там такой же ходит и ничего не произошло...

Как же возвращаться? Надо сначала понять, где это. Перенос во времени? Какой сейчас год?

За стеклянными закрытыми ставнями газетного киоска Виктор разглядел обложку «Огонька», и это его почему-то обрадовало. Хоть к чему-то привязаться, как к точке отсчета. Он не спеша встал и, стараясь сохранять непринужденность, прогулялся взад и вперед, изображая ожидающего, и вроде как от скуки подошел поближе к торговой точке, чем-то напоминавшей иконостас. «Огонек»... дальше Виктор опять похолодел. Номер был за январь одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года.

«Значит, все-таки во времени...»

То, что он увидел на самой обложке, удивило еще больше — это был снимок встречи на аэродроме, в центре стоял полноватый и лысоватый человек со знакомыми по книгам и документальным фильмам чертами лица... это был Берия. Берия Лаврентий Павлович, только постарше, седее и не в пенсне, а в фасонистых очках, как у Кио-старшего, и широкополой шляпе, как в американских послевоенных фильмах. Виктор прекрасно помнил, что Берию расстреляли в пятьдесят третьем году.

«Опаньки! Да у них и история, оказывается, по-другому идет!»

Он с еще большим интересом впялился в снимок. На заднем плане виднелись американский и советский флаг и почетный караул, судя по всему, тоже американский. Надо полагать, Берия нанес визит в США. Хрущев тоже там был, когда же, когда же... ах да, в пятьдесят девятом, год разница-то. Ну и какой у них тут период? Культ личности, оттепель, а может... как его... волна репрессий очередная?..

Про Берию Виктор слышал разное.

С детства (при Хрущеве) слышал, будто Берия вроде как виновник репрессий, и даже получается, что Сталина обманывал.

Потом (при Брежневе) про Берию вообще говорить избегали. Вроде как не к ночи будь помянут.

В перестройку — оторвались по полной. «Палач», «злодей», «маньяк» и прочее. И мастера искусств вроде как убедительно это подкрепили. И в «Покаянии», и в «Холодном лете пятьдесят третьего». Хотя (после расстрела Чаушеску) Виктору начало казаться странным, что суд над Берией был закрытым и в свою защиту ему публично сказать не дали.

Наконец, в новом веке Виктору стали попадаться книги, где доказывалось, что Берия вовсе не злодей, а очень хороший

управленец и порядочный человек, и именно он боролся с репрессиями. А его, как умного, и унасекомили.

Оно, конечно, хорошо, если последнее окажется верным. А если нет? А если все-таки палач? А если истина посередине, то есть палач, но не слишком?.. Тьфу, какая ерунда получается. Потом, допустим, человек он хороший — а система? А дураки в ней? Вот чего стоит какому-то дураку — его, Виктора, поймать: паспорт не наш, а с двуглавым орлом, деньги не советские — значит, готовил переворот. Да еще и с миниатюрной шпионской рацией в кармане. И что докажешь? И если даже докажешь — все это очень странно, а там сроки передавать дело, стало быть, добиться стандартного признания — и под вышку, вопросы сняты. Очень логично даже получается.

Верхний край обложки «Огонька» с надписью (интересно, что там? — хоть какая-ориентировка на политическую ситуацию, а то с первым встречным в разговоре влипнешь) прикрывала съехавшая обложка «Крокодила» с карикатурой. То, что на ней увидел Виктор, поразило еще больше. На левой половине рисунка тощий корявый человечек в мундире, со слегка одутловатым лицом, на котором виднелись ну очень знакомые усики и челка, размахивал, словно дубиной, большой черной ракетой, в которой было нетрудно узнать «Фау-2». На верхней части ракеты стояла буква «А». В правой части рисунка атлетические юноши и девушки, взявшись за руки, заслоняли снежно-белые новостройки и небеса с голубями. Сюжет был знаком и понятен — за исключением физиономии поджигателя войны.

«Блин! Да у них тут еще и Гитлер живой!»

Факт существования фюрера в пятьдесят восьмом году показался Виктору более неприятной новостью, нежели известие о пребывании Лаврентия Павловича у руля страны. Американцы, конечно, тоже бомбой грозили, но одно дело расчетливый Эйзенхауэр и другое — этот безбашенный, который коврики грыз. И раз он еще живой, значит, что — войны еще не было? Во всяком случае, не такой? И выходит, она еще в будущем? В июне, без всякого объявления, массированный ракетно-ядерный? На наши мирные города? А может, вообще в этом месяце? Или завтра? Или сегодня, на рассвете?

От этих мыслей Виктору стало как-то совсем неуютно.

«Как же они вообще живут-то здесь?.. А впрочем, не осознают, наверное, всей опасности, да и СМИ успокаивают».

Между тем небо за высокими сводчатыми окнами начало окрашиваться синевой, предвещавшей поздний рассвет, а в во-

кзал стали поодиночке заходить люди, видимо спешившие на пригородный. Первой появилась дама лет тридцати или моложе в серо-голубом длинном, слегка расширенном книзу пальто с потайными пуговицами (как это называлось, Виктор не помнил, ибо не слишком разбирался в винтажной моде); пальто это было с небольшим округлым воротником пепельного цвета, похожим на лисий хвост; на шее женщины был повязан красный шарф, а голову венчала таблеткообразная шляпка в тон пальто, плохо прикрывавшая короткие темные волосы. «Модничает, — понял Виктор. — И как она в этом берете менингит не схватила...» Его внимание привлекли непривычно тонкие, высоко подведенные брови, придававшее лицу удивленно-кокетливое выражение, ярко-красные круглые серьги в ушах и покрашенные непривычно яркой помадой губы. Эта дама вообще-то была не первым аборигеном, которого увидел здесь Виктор, — первой была уборщица, но уборщицы, видимо, за прошедшие полвека изменились меньше; здесь же чувствовалось что-то непривычное, знакомое лишь по фильмам. Следом за дамой в зал ввалился мужчина лет сорока в настоящих бурках, до ужаса напоминавший одеждой и своим видом Бывалого из «Самогонщиков», с маленькими короткими усиками под самым носом. За ним появился молодой худощавый парень — длинное черное двубортное пальто, ношеное, с широким серым каракулевым воротником, и в черной шапке с опущенными, но не завязанными ушами, на ногах тупоносые кожаные ботинки. Судя по всему, разные группы населения здесь стремились к моде по-разному, но в первых рядах, естественно, оказались женщины.

Виктор вдруг понял, что он, в своей китайской синтетической бурой куртке под замшу и ботинках с квадратными носами, скоро будет выглядеть здесь белой вороной, однозначно. «Надо рвать когти, — мелькнуло в голове, — хорошо, хоть шапки-ушанки мало изменились». В движении, на улице, отличие его одежды могло меньше бросаться в глаза. Стараясь выглядеть безразлично, он прошел к ближнему выходу — ах, как они все-таки когда-то выглядели классно, эти дубовые двери, как шли они этому залу с классической лепниной, — и направился навстречу неизвестности.

Снаружи метель стихала, и все кругом, словно постель свежестыранной и накрахмаленной простыней, было покрыто незапятнанным белым снегом, перераставшим в казалось столь же заснеженное небо, сквозь которое прорастали решетчатые

скелеты опор переходного мостика, сваренные из старых рельсов, — их еще долго не заменят на бетонные. Белая ворона полетит над белым снегом, усмехнулся Виктор. Ну что же, так оно и к лучшему.

Глава 3 В РОДНОМ ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Толстые доски настила пешеходного мостика слегка прогибались при ходьбе, и Виктор вдруг ощутил отголосок давнего детского страха — когда-то, еще ребенком, он опасался этой высоты, этих прогибающихся досок со щелями между ними, да еще, подтверждая эти страхи, некоторые доски трескались, и от них отлетали куски, а от перил отваливались плохо приваренные прутья до тех пор, пока на настил вместо досок не уложили бетонные плиты и не залили сверху асфальтом. Удивительно, но это неприятное чувство внушило ему некоторую надежду, что, идя по мосту, он опять вернется в тот обжитый, давно покинутый мир, полный безмятежности, надежд и ложных беспокойств и в целом весьма уютный. Даже гудки паровоза, казалось, чем-то его подбадривали. Он узнал — или ему показалось, что узнал, — деревянный забор, отгораживающий пути, заснеженные деревья парка, двухэтажный довоенный дом, возле которого еще не вырос серый параллелепипед общежития БМЗ, а вместо этого росли деревья, скрывавшие маленькую голубую деревянную церковь Петра и Павла, — верно, она еще не была снесена!

Слева Виктор узнал знакомое длинное здание хлебозавода и ближе — одноэтажный домик с большой надписью «Автостанция». Несколько автобусов, которые стояли на расчищенной площади, тоже на первый взгляд были знакомы, во всяком случае, похожи своими округлыми обводами и желто-красной раскраской. Отличие было в том, что из «колокольчика», который висел на черном деревянном столбе, видимо, для объявления рейсов, лилась музыка. Осторожно спускаясь по заметным за ночь ступеням и смотря себе под ноги, Виктор вслушивался в звуки этого немного неожиданного здесь и даже кажущегося бессмысленным сервиса. Вдруг его что-то словно толкнуло: мелодия была одновременно слишком знакомой, но необычной. Да, он вспомнил эту мелодию: это был шлягер «I wanna be loved by you» из комедии «В джазе только девушки»,

ключевой номер Мэрилин Монро; но здесь исполнение было в несколько медленном темпе, и певица другая, с каким-то необычным, словно мяукающим голосом, хотя и пела тоже по-английски. Это сочетание вечного хита, ассоциаций с секс-бомбой Мэрилин, детской отечественной послевоенной реальности и взрослого осознания того, что через пять минут здесь может упасть ядерная ракета, создавало впечатление какого-то сюрра.

Виктор пересек площадь автостанции, ожидая найти за углом рынок; тем временем песня закончилась, и диктор начал рассказывать новости спорта — оказывается, это была трансляция по радио. Мимо него по Ульянова проехали сани, запряженные серой в яблоках лошадей; правил ими весьма живописный мужчина с бородой. Колхозник, наверное... Впрочем, а эта улица действительно здесь Ульянова? Виктор помнил, что на автостанции, пока ее не снесли, сохранилась табличка со старым названием. Удивительно, но она и здесь оказалась на том же месте. Так и есть: «Улица Ленина».

Рынок оказался на старом месте, и даже два павильона его к этому году были достроены и покрашены в песочно-желтый цвет; но только были они более спартанского вида, без лепнины, торцевые стены их поверху были сложены не по дуге, а треугольником, что делало их похожими на фабричные корпуса; за ними проглядывался силуэт водокачки, которая здесь еще не была снесена. Но больше всего Виктора удивило то, что вместо троллейбусной линии, которой в пятьдесят восьмом еще здесь быть не полагалось, на белом снегу перед рынком чернели геометрически ровные кривые трамвайных рельсов!

Впрочем, он знал, что вначале в Брянске собирались строить трамвай и отказались от этого во многом из-за пристрастий Никиты Сергеевича к троллейбусу. Раз в этом варианте наверху другое руководство, значит, трамвай и построили, заключил Виктор. Вполне логично. Вон, даже двухпутку сразу сделали на выделенной линии.

Трамвайный сюрприз как-то сразу поднял Виктору настроение. Рельсовый общественный транспорт всегда казался ему более основательным и солидным: автобус — он в любой деревне есть, а вот метро или трамвай говорят о том, что город большой или хотя бы с давней историей. «Интересно бы посмотреть, что тут у них по этим рельсам ходит», — мелькнуло в голове.

Средство передвижения не заставило себя долго ждать. Из глубины улицы 3-го Интернационала послышался звонок, и мимо Виктора, скрежеща колесами в кривой, проплыли в сторону Стальзавода два вагончика — моторный и прицепной. Они были короткими, двухосными и чем-то напомнили Виктору те, что он когда-то видел в Евпатории. Маршрут оказался «тройкой», спереди у вагончиков висели большие буквы «УВЗ» (Уральский вагонзавод, что ли, подумал он), а на боках, над окнами, по-дореволюционному висели два рекламных транспаранта. Надпись на транспаранте на моторном вагоне категорически гласила: «Бога нет», — а на прицепном столь же категорически: «Покупайте сервелат».

«Да, если у них тут социализм, то не совсем такой, как наш...»

Виктор машинально двинулся в сторону, где раньше у рынка была остановка троллейбуса. Тротуар возле станционного забора был полностью занесен; стоянки такси тоже не было видно — то ли в этой реальности такси не существовало, то ли стоянка была на автостанции. Пришлось идти по краю проезжей части; но не успел Виктор проследовать и двух метров, как сзади послышался гудок. Мимо проехал грузовичок-фургон защитного цвета, похожий на послевоенный «Опель-Блиц», но с кабиной от «газона» и вертикальной решеткой радиатора. Сбоку на фургоне было крупными белыми буквами выведено «Хлеб». Грузовичок повернул к воротам хлебозавода и опять трубно засигналил.

До Виктора вдруг дошло, что он идет не туда: остановка трамвая была напротив входа в рынок, там, где сейчас (или теперь уже «тогда»?) останавливалась «десятка». Да и в карманах у него не было ни копейки здешних денег. Знать бы, как они вообще выглядят...

Четкого плана действий у него пока не появилось, он вернулся, перешел Ульянова-Ленина на другую сторону и двинулся по 3-го Интернационала к центру Бежицы, чтобы осмотреться и в надежде, что это подскажет какую-то идею. Несмотря на отсутствие денег, документов и надвигающуюся проблему с питанием, его глодало любопытство: как же это тут будет выглядеть?

С деревьев за церковной оградой комками осыпался налетевший снег. Радиорупор на автостанции закончил спортивные новости и замурлыкал беспечный фокстротик нэповских времен: «Не пробуждай ото сна, этого дивного сна...» По узкой

тропинке, протоптанной среди сугробов, зашагалось свободно и легко.

Внезапно до слуха Виктора откуда-то со стороны Молодежной донесся приглушенный дальним расстоянием пистолетный выстрел; через непродолжительное время послышались еще два; он остановился в надежде уловить еще что-нибудь, но уже больше ничто не нарушало утреннего благолепия, и все так же мурлыкал все тот же фокстротик громкоговоритель.

Не так уж и спокоен был этот мир, каким казался.

Глава 4 ИНФИЛЬТРАЦИЯ

Путь до улицы Куйбышева показался Виктору длинным до бесконечности.

Левая сторона улицы практически не изменилась, если не считать церкви. Разве что деревья меньше стали.

По правой, за длинным трехэтажным кирпичным зданием, что стояло у рынка, появилось четырехэтажное, из крупных блоков — во весь квартал и с арками во двор, — на месте силикатного послевоенного, но с похожими выступами эркеров, заменявших балконы. Фасад его был оштукатурен и выкрашен все в тот же песочный цвет, а весь нижний этаж, отделанный под коричневый руст, занимали магазины — «Культтовары», «Галантерея-парфюмерия», «Обувь» и «Канцтовары». Напротив, в знакомом довоенном доме на углу Комсомольской и 3-го Интернационала разместилась булочная и «Овощи-фрукты», а парикмахерская съехала в двухэтажный особнячок, где во время детства Виктора была «Обувь». Все эти заведения были закрыты — даже продуктовые начинали работу не раньше семи, а по часам Виктора была еще половина седьмого. Все теми же остались почта — на ней еще виднелись выложенные брусковым шрифтом надписи «Почта, радио, телеграф, телефон» — и дом напротив, в котором, к радости Виктора, вновь оказался знакомый «Кондитерский». Было ли это чистой случайностью или кондитерский тут был задуман, оставалось загадкой.

По той стороне улицы, по которой шел Виктор, народу не появлялось, он заметил лишь несколько прохожих на противоположной, не успев их как следует рассмотреть. Фонари здесь горели на мачтах из стальных уголков, по две лампочки в стеклянных плафонах под тарелками-отражателями, так что

освещение улицы особо ярким не было. В домах уже светились окна, — шторами и тюлевыми занавесками здесь особо не увлекались, и он разглядел в большинстве из них одинаковые простенькие конические абажуры из белого стекла, три или четыре красных шелковых абажура с кистями, одну рожковую люстру «с шишками» и пару современных, в виде плоского блина под потолком. Об уровне жизни населения это мало что говорило. Вот мебель, которую удавалось заметить в окнах, больше напомнила Виктору шестидесятые — угловатая, из плоских щитов.

Следующий за почтой дом, большой, выходящий на угол 3-го Интернационала и Куйбышева, опять доставил ему легкое потрясение. Прежде всего это был панельный дом. Но какой! С виду никак нельзя было признать его родственником хрущевской пятиэтажки. Высота этажей была где-то метра под три, что подчеркивали высокие светлые окна. Швы на панелях закрывали пилястры — выступы, изображающие колонны; они тянулись белыми полосами сверху вниз по фасаду, в параллель лентам остекленных балконов, так что монотонности сетки панелей вовсе не замечалось. Вместо плоской бесчердачной на доме имелась приличная четырехскатная крыша, обнесенная по краям перильцами; снизу не было видно, чем она крыта — железом или шифером. Первый этаж, как всегда, отделан имитацией руста, отформованной прямо в панелях, и сиял галереями сводчатых окон магазина с вывеской «Дежурный гастроном».

«Никак круглосуточный? Однако продвинулись...»

На другой стороне улицы Виктор заметил немного отодвинутое от «красной линии» улицы трехэтажное здание, которое он в первый момент принял за какой-то Дворец культуры из-за прямоугольных колонн практически во весь фасад, разделенных широкими лентами остекленных проемов. Однако на крыше его горели широко расставленные неоновые буквы все того же брускового шрифта, складываясь в надпись «Универмаг». Внутри было темно. «Верно, к десяти откроется», — решил Виктор и направился в сторону входа в дежурный гастроном. Во-первых, хотелось согреться — неизвестно, сколько тут еще шататься без еды, во-вторых, узнать здешний масштаб цен да и как у них вообще тут с продовольствием (а вдруг по карточкам или что-то вроде «только членам профсоюза»), и вообще привести в порядок наблюдения. Возможности что-то спереть и смыться он пока не рассматривал. Да и витрины были в основ-

ном украшены пирамидами из консервных банок и муляжами продуктов из папье-маше, что особого энтузиазма не вызывало.

Внутри гастроном оказался более привлекательным, чем снаружи. Виктор попал с бокового входа прямо в мясной отдел, к холодильному прилавку, на котором были разложены свинина и говядина из разных частей разделанных туш, почки, печень, и даже лежала свиная голова. Все это было с виду вполне свежим. На следующем прилавке красовалось сало, карбонат, сортов пять колбас — от ливерной до краковской — и по одному сорту сосисок и сарделек. Полуфабрикатов никаких не было, из консервов имелась свинина тушеная в жестяных трехсотграммовых банках с бело-бордовыми этикетками. Остальные отделы также не являли собой признаков дефицита чего-то нужного, хотя ассортимент был крайне прост и рассчитан на то, чтобы повозиться на кухне. Куры и утки — пожалуйста, но неразделанные, непотрошенные и с головами. Рыба — то же самое. Кстати, в рыбном стояли баночки с черной икрой. Молоко разливное и бутылочное, бутылочный кефир. Зато масло свободно, сливочное и шоколадное, целыми блоками лежит...

Побродив по отделам, он пришел к выводу, что курс местного рубля по отношению к советскому конца шестидесятых выходит примерно один к пяти. Буханка хлеба, например, сорок копеек и четко килограммовая. Колбаса дороже, тринадцать—семнадцать рублей, а рыба — дешево, семь-восемь и даже шесть. Видимо, спрос выравнивают.

Гастроном в это время был почти пустым, кроме Виктора человека три, причем женщины. Две тоже ходят, витрины рассматривают, одна в кассе что-то пробивает. В конце гастронома оказались винный и табачный отделы. При этом в табачном висел большой плакат: мужчина гламурного, как бы сейчас сказали, вида выкидывает большую пачку папирос в урну возле скамейки на улице — и надпись: «Самое время бросить». На каждой из пачек в витрине внизу была полоса чуть ли не в пятую часть пачки и надпись: «Курение сократит вашу жизнь». Так, здесь за это серьезно взялись; хорошо, что он никогда не был курильщиком, так что это его не касается. В винном отделе висел плакат менее воинствующий. Мужчина кавказского вида с итальянскими усиками за банкетным столом поднимал рог; надпись гласила: «За праздник — легкие вина». То есть водка — неформат. Ну что же, это все можно пережить. Кстати, свободно стояло нечто похожее на «Московскую» и «Столичную». Ну

все, вроде как продуктовое снабжение рассмотрели. Стоп. А как же обещанный сервелат-то? Есть установка покупать, а где?

Виктор вернулся к мясному отделу. К прилавку не по-советски шустро вернулся из подсобки продавец в белом халате.

— Что пожелаете выбрать? — спросил он Виктора, сияя голливудской дежурной улыбкой.

— Не подскажите, где можно сервелат достать?

— Сервелат на заказ привозят, его берут редко, привоз заказа — на следующий день. Сорок рублей за килограмм. Можно заказать с доставкой на дом. Будете оформлять?

— Не сегодня. Знаете, у приятеля юбилей, хотел заранее узнать, но раз это всегда можно заказывать, то лучше накануне, чтобы свежий.

— Как пожелаете. Вот, кстати, могу посоветовать одесской, ночной завод. Кусочком или порезать на бутерброд...

— Нет-нет, спасибо, я попозже зайду.

Версия покупателя себя исчерпала. Каким бы уютным и теплым — как здесь по-деревенски тепло везде топят! — ни казался зал гастронома, но продолжать мотаться здесь при отсутствии народа было бы уже подозрительным. Значит, опять уходить. Для разнообразия Виктор вышел через главный вход, на улицу: если уже переименовали из Ливинской именно в то же самое, то это должна быть улица Куйбышева.

Глава 5 МЕЧЕНЫЙ

На улице он первым делом нашел табличку с названием улицы — белый сектор с лампочкой, опять знакомый по далекому детству. Улица оказалась действительно Куйбышева: менеджер советской промышленности уже вписал свое имя в историю. Кстати, угловые таблички-брусочки были новенькими, а на номерах домов в виде секторов из-под краски слегка выступали другие буквы.

И что же дальше? Куда идти? Направо, налево?

Виктору вдруг пришло в голову, что его положение чем-то напоминает Меченого из компьютерной игрушки «S.T.A.L.K.E.R.». Точно так же вначале несколько предметов, денег нет, и местность незнакомая. Правда, там сразу же барыга Сидорович, который все и проясняет. А тут — ничего. Жизнь — не ходилка, в ней подсказок не будет.

Ну что ж, пока ничего не происходит, будем изучать местность. Карту шибко не меняли. Например, на Куйбышева раньше был троллейбус, а теперь трамвайные рельсы. А это значит, что на выезде должен быть уже капитальный мост вместо деревянного, и линия идет до Советского района. Ладно, пойдем по Куйбышева до БМЗ, там видно будет. А на ходу подумаем, как решать вопросы с насущными потребностями.

Первая потребность — еда. Продуктов здесь хватает, их можно купить свободно. А значит, одежду и обувь тоже, и на квартиру где-нибудь в частный сектор договориться. Правда, жильца, наверное, надо прописывать, но... суровость законов смягчается невыполнением — так, кажется?

Так и так все в «бабки» упирается. Как обычно добывают на жизнь при социализме — это понятно. Устраиваться на работу надо. Но чтобы устроиться на работу, нужны документы и прописка. Даже в дворники. А тут и паспорта местного нет, не то что трудовой книжки. Это в фильме «Зеркало для героя» хорошо — заходишь в контору, тебе прямо с порога: «А, инженер! Горняк!» — аж целую пачку подъемных в руку, только работай. Там война была, разруха, а здесь хоть инженеры наверняка нужны, но жизнь устаканенная, орднунг¹ в ней чувствуется.

Конечно, можно и временные какие-то работы найти — например, вагоны разгружать, наверное, прописки не потребуют. Но это надо уточнить — добраться до станции, до Холодильника, до пивзавода, где студентами подрабатывали. Что еще можно? Какой-нибудь бабке дрова пилить.

Хотя на временных заработках тоже могут припаять тунеядство и бродяжничество, а это опять-таки вопрос о том, что человек без документов и неизвестно откуда сбежал, а может быть, и шпион.

Можно, наверное, попробовать завербоваться на какую-нибудь сибирскую стройку, авось где насчет документов и глаза закроют. Но опять-таки надо будет туда добираться. А без документов по дороге забрать могут, да и мало ли что, вдруг тут у них что-то вроде ведомственных подпольных рабских плантаций придумано специально для бомжей. «Э не-эт, торопиться не надо...»

Где еще могут не спросить документов? Возможно, в колхозе. Но опять-таки временно. Потом все равно участковый заедет, чтобы как-то свое пребывание человек оформлял. Куда да-

---

¹ Порядок (нем.).

льше? В другой колхоз. При этом рассчитать вряд ли успеют, может, кормить будут, пока работаешь. Кстати, как у них с положением деревни?

Ладно, тут тоже еще надо думать — смотрим, какие еще варианты честного заработка. А их не так много и остается. Например, куда-нибудь в лесную глухомань, охотиться. Но выживать в лесу с голыми руками без начальных запасов продовольствия и спичек — еще тот экстрим. В монастырь податься... Тоже неизвестно, вдруг без паспорта там заложат. Оно конечно, «придите ко мне, все страждущие и обремененные», но, с другой стороны, «всякая власть от Бога»...

Оставались варианты уже не совсем честные — начиная от брачных афер и походов сынов лейтенанта Шмидта до откровенного криминала. Но в этом деле надо тоже быть профессионалом, да и как веревочка ни вейся...

В общем, выходило, что вначале надо освоиться с местными обычаями. Потыкаться по разным местам работы, узнать, что где надо, поговорить с людьми — может, чего подскажут, — и вообще присмотреться. На это может уйти несколько дней, кладем крайний срок — неделя. А в это время надо что-то есть и где-то ночевать. Да, еще мыться и бриться. А для этого нужна какая-то стартовая сумма.

Придется продать что-то из вещей, подумал Виктор. Что-нибудь, без чего можно обойтись. Самым ненужный здесь мобильник, но его не то что продавать — его и показывать опасно. Из одежды... да при такой погоде ничего лишнего из нее нету. Жаль, что не завалилось в кармане какого-нибудь «серебряного ситечка», сувенирчика из будущего, что можно было бы загнать по приличной цене местному любителю Запада. Оставались часы. Нужная вещь, но все-таки первое время без них обойтись можно. Вздохнув, Виктор взглянул на циферблат... Хм, это сейчас с этим «мэйд ин чайна» куча народу ходит, а лет тридцать-сорок назад данная фирма номенклатурной роскошью была. Забугорье, блин, статусная вещь для допускаемых в капстраны. На толкучке с такими еще заметут. Просто тупик какой-то.

И тут Виктор остановился. Как раз рядом с ним слева на доме висела вывеска: «Ремонт часов».

Вот тут и проясним ситуацию, кто в этом городе купит такую вещь. Хорошо еще, что в свое время механические выбрал, а то объясняй тут про кварц и где доставать батарейки.

Часовая мастерская работала с девяти до шести, перерыв — с часу до двух, выходной — понедельник. Будем надеяться, что

сегодня среда. А пока продолжим «изучать карту» и убивать время. Чтобы не нарваться на приключения, Виктор решил далеко не углубляться и ходить кругами по Куйбышева и Комсомольской. Приличные улицы, шпаны на них мало водилось, а то еще и обворуют вдобавок.

Куйбышева была сплошь застроена новыми многоэтажными, то есть в четыре-пять этажей, домами, большая часть из которых оказалась такими же навороченными панельными, как и на углу с 3-го Интернационала. Видимо, с прокладкой трамвая улицу решили по-быстрому превратить в образцовый проспект. Впрочем, дома стахановцев, довоенный дом с двухэтажным магазином и раскидистая двухэтажная поликлиника за огороженным сквером остались без изменений, как и дореволюционный двухэтажный особнячок, в котором через полвека должен был оказаться музей художников Ткачевых.

После семи (час открытия продмагов) на улицах народу стало значительно больше, и Виктор обратил внимание на разношерстность здешних прикидов. Большинство мужчин, как и ожидалось, ходили в пальто, однобортных и двубортных, оттенков от темно-серого до черного, на одних верхняя одежда сидела нормально, на других топорщилась, а то и вообще выглядела как с чужого плеча; это говорило то ли о стесненности в средствах, то ли о сознательном небрежении к собственному имиджу. Из головных уборов господствовали ушанки и даже эскимоски. Впрочем, встречались и молодые люди в более-менее ярких цветных пальто и шапках-пирожках, узких, на взгляд Виктора, для такой погоды коротковатых, цветных или клетчатых брюках и, по-видимому, также не слишком теплых туфлях на толстой белой платформе; ансамбль дополняла прическа с коком и часто итальянские усики. Похоже, это были местные стилиаги или что-то вроде того. Стилиаг в этой новой Бежице оказалось неожиданно много, и выглядели они отнюдь не карикатурно, а с другой стороны — не было в них и той вылизанной гламурности, как в одноименном фильме, проще они были как-то.

Еще больший контраст представляли наряды женщин — от модных ярких пальто и полупальто с меховыми воротниками до поношенной и не отличавшейся разнообразием фасонов одежды сороковых и даже тридцатых, хотя и тщательно подобранной по фигуре или перешитой. Прически в основном закрывали теплые платки, от белых и серых, кустарного вязания,

до ярких фабричных. Меховых шапок или шляп попадалось мало.

Виктор подумал, что его опасения насчет китайской куртки были несколько преувеличенными. В крайнем случае можно сказать, что купил на барахолке, по фигуре была и недорого, потому как это — как его тут говорят-то правильно: суррогат? эрзац? — а, вот: заменитель. За-ме-ни-тель.

— Вот блин!

Из-под арки дома, резко засигналив, буквально в полушаге от него выскочила легковушка и, заурчав мотором, повернула по Комсомольской к Ленина. Виктор остолбенел не столько от внезапного ее появления — он был сам виноват, не заметив вывески «Берегись автомобиля», — сколько от того, что это была за легковушка. А это было не что иное, как кофейного цвета «фольксваген», та самая знаменитая модель, что во всем мире прозвана «жуком».

Потрясающе. Фюрер грозит ядерным оружием, а немецкие машины спокойно себе разъезжают по городу. Впрочем, а кто сказал, что это немецкая машина? «Жигули-копейка» тоже снаружи «фиат» один к одному, но это же лицензия! Может, и на «фольксвагены» лицензию взяли или вообще их завод купили? На судовые же дизеля «у нас» в пятидесятых у Бурмейстера и Вайна покупали лицензию, а почему у Фольксвагена¹ не могли? Да потому что тогда в нашей истории была война, и у немцев по репарации взяли производство «Опель-Кадета», он же «Москвич-400»... Короче, попадется опять это чудо — надо будет рассмотреть, кто выпускает.

И еще. Необычно много населения не старше тридцати— тридцати пяти, даже на вид. Впрочем, это не так удивительно — урбанизация небось невысокая, люди, даже и переехавшие в город, живут старыми деревенскими традициями — побольше детей завести. Да и опять же Мировой войны не было.

Остаток времени до открытия часовой мастерской Виктор постарался убить в магазинах. В продуктовых ничего особенного в дополнение к дежурному гастроному в ассортименте вроде не нашлось, зато Виктор неожиданно обнаружил, что существуют «карточки на детей». Какая-то женщина, рассчитавшись с продавцом в молочном, после взяла пару бутылок кефира «за

---

¹ Это не фамилия, а имя концерна («Народный автомобиль»), основателем которого был Фердинанд Порше в 1933 г.

детские» — протянула продавщице что-то похожее на серо-голубые билеты, из которых та вырезала купоны.

Ровно к девяти Виктор уже был у дверей мастерской.

Глава 6 РОЯЛЬ В КУСТАХ

У часовщика воздух был наполнен разноголосым тиканьем. Поражало изобилие стенных часов — от простых ходиков с жестяным открытым циферблатом до солидных, в лакированных дубовых футлярах. В углу торчали даже напольные, под красное дерево, неторопливо шевелия чуть потемневшим мечом маятника. На полочках устроились большие, как кастрюли, будильники, с одной и двумя чашечками звонка на макушке, еще больше — настольные часы для учреждений, в деревянных досках, тут же — мелкие квадратные хромированные, «дамские», и совсем уже диковинные для Виктора — в виде черных скульптур из пластмассы, в основание которых были вставлены самолетные часы со светящимися стрелками и недельным заводом. Ниже, ожидая очереди, были разложены наручные и карманные, отсвечивая хромом и потертой медью; повсюду стояли коробочки с разными шестеренками, пружинками, стрелками и прочей мелочовкой. В углу почивал небольшой радиоприемник, который он тоже с первого взгляда принял за часы из-за большой круглой шкалы настройки со стрелкой и мелких, похожих на заводные, ручек под ней; в закругленных боках деревянного корпуса пряталась пара динамиков. Все это было огорожено большим деревянным прилавком, покрашенным темным бейцем и отлакированным. Часовщик в халате сидел в глубине комнаты — пожилой, худощавый, с курчавыми включенными волосами с проседью и бородкой и часовой лупой на резинке, повязанной вокруг головы. Он копался в механизме от стенных часов, что-то напевая под нос — «та-да-ри-да, та-да ри-да...». Заметив Виктора, он сдвинул лупу на лоб, пробормотал что-то вроде «здравствуйте, товарищ, здравствуйте», похлопал себя по карманам, извлек откуда-то старые круглые очки с проволочными дужками и, нацепив их на нос, подошел к Виктору.

— Товарищ, вы у нас, наверное, впервые, да? Давайте посмотрим, что с вашими часиками...

— Да с часами-то все в порядке как раз.

— Ну вот и отличненько, чтоб у вас все было в порядке, как с вашими часиками! Но чем же тогда может вам помочь скромный часовщик? Ай, понимаю: вы пришли за советом, да?

— Да, посоветоваться. Не могли бы вы сказать, сколько примерно могут стоять мои часы? (Виктор специально употребил слово «мои», чтобы не возникло подозрений об их владельце.)

— Вот эти, что на вас? Можно их поближе?..

— Да, конечно. — Виктор расстегнул браслет и протянул часовщику. — Можно и крышку открыть, посмотреть.

— Доверяете? Это правильно. Я не буду хвастаться, но половина Бежицы доверяет Фиме свои часы, а вторая половина доверяет их даже не глядя... Интересно крышка закрывается... так...

Виктор, стараясь выглядеть безразличным, смотрел, как начинает меняться лицо часовщика, как спешно он вставляет лупу в глаз и впяливается во внутренности механизма, затем стал вновь оглядывать резные корпуса стенных часов.

— Товарищ... Я боюсь показаться назойливым, но где вы смогли достать эти часы?

— Да это один моряк знакомый привез из кругосветного плавания. Говорит, в Брянске ни у кого таких нет. Неужели обманул?

— Кто, моряк? Послушайте, вам совершенно незачем тратьте ваши драгоценные нервы. Поверьте Фиме, это самые настоящие японские часы, фирма «Ориент Вотч», вы, наверное, про такую и не слыхали.

— Ну да, они же там где-то в экзотических странах ходили. Говорит, там в портах всего чего хочешь бывает, со всего света.

— Знаете, товарищ, Фима не был в Сингапуре, но он недавно был в Москве у двоюродного племянника, он там живет у очень приличных людей, и Фима там смотрел каталог, но в таком оформлении он этой модели не видел, и в механизме есть некоторые отличия, хотя вы этого не поймете.

— Верно. Он же мне так и сказал, что эти часы, это, как их... пробные какие-то. То есть их немного сделали, и все. А почему так, не рассказывал. Но это точно не подделка?

— Я вас умоляю! Вы хотите обидеть меня своим недоверием? Если я говорю, что это настоящие японские часы, оно так и есть. Спросите любого. Да, а ваш моряк не рассказывал, из чего сделан корпус? Знаете, цвет под платину, но легкий, как алюминевый.

— А, такой сплав титановый. Не слышали? Это, значит, чтобы на кожу не действовало, ну вот как золото не действует, так и это, но легкие. Наука дошла, во как.

— Слушайте, это очень интересно. И что, такие будут делать?

— А я знаю, что ли? Так, собственно, сколько стоить могут?

— Ну вы задали задачу, прямо как в школе. Знаете, как в наше время мало ценителей приличной вещи, — вот если взять по всей Бежице, ну кто, кто у нас разбирается в часах? Народ берет всякую, извините, товарищ, штамповку, вот, пожалуйста. — Он показал какой-то открытый продолговатый механизм. — Ну что это? Вот скажите, что это? Да, впрочем, что вы можете сказать... Ну ладно, знаете, есть такое маленькое, но выгодное предложение. Фима — человек скромный, как видите, но у Фимы маленькая слабость иногда собирать забавные вещички, вот, смотрите. — И он кивнул на некоторые из настенных резных часов. — Короче, вы сразу получаете приличную сумму — пятьсот рублей.

— Ефим Борисович, — за время монолога часовщика Виктор успел прочесть его имя-отчество на висевшей в рамочке почетной грамоте, — неужели я так похож на человека без копейки денег?

— Ну что вы, что вы, товарищ, зачем вот так вот сразу? Вы же не пошли в ломбард, не пошли в комиссионный, вы пошли сюда...

— Я вообще-то пришел просто посоветоваться. Вы, пожалуйста, извините, что зря вас побеспокоил.

— Нет, ну что вы, какие вопросы... Фима оговорился. Семьсот рублей.

— Извините. — Виктор защелкнул браслет и двинулся к двери.

Но не успел он сделать и шага, как часовщик тут же выпорхнул из-за прилавка, ловко приподняв качающуюся доску, и оказался между Виктором и дверью.

— Товарищ, товарищ, ну как же? Мы же только начали говорить за дело. Так же никто не делает. Ну не нравится предложение — назовите свою цену.

— Ну... хотя бы две тысячи.

— Две тысячи? Две тысячи? — Ефим Борисович подпрыгнул и начал кружиться вокруг Виктора. — Товарищ, вы предлагаете мне часы или мотороллер? Кто, кто вам даст в комиссионке две тысячи? Вы думаете, в комиссионку забредет академик

специально посмотреть на ваши часы? Туда же пойдут те, кто живет на одну зарплату! Ладно, давайте так: хорошая, приличная цена семьсот пятьдесят. Больше ж никто не даст. Пойдите, пойдите, восемьсот, из уважения к вам и в убыток...

Торг продолжался. Сошлись на тысяче стах плюс «совершенно новые» часы «Москва», которые напомнили Виктору часы «Победа».

— Вот, держите, будут ходить минута в минуту. А деньги вы как хотите, чеком или наличными?

— Я бы взял чеком. Но мне нужны наличные.

— Наличными? Но кто же носит сейчас с собой столько наличных... За ними надо идти в сберкасса. Вам придется здесь немного подождать.

«Интересная картина маслом. Значит, наличности много здесь не носят. А почему? Гопстопники развелись? А если этот часовщик с ними связан? Наведет — и останусь без часов и бабок».

— Да, пожалуйста. Я подожду рядом на улице.

На Куйбышева Виктор увидел, как часовщик пошел в сторону 3-го Интернационала и быстро юркнул в арку во двор. Виктор рванул за ним. В арке, перегороженной решетчатыми воротами с открытой калиткой, уже никого не было; осторожно выглянув с другой стороны, Виктор увидел, что часовщик наискосок пересекает плохо освещенный двор, стремясь то ли к Дворцу культуры, то ли к углу Комсомольской и 3-го Интернационала. Если сберкасса все так же на углу, он мог идти и в сберкасса...

Виктор решил подождать, оставаясь в тени в арке. Здесь было темно, и сифонивший насквозь ветер наметал у ворот сугроб. Через некоторое время во дворе вновь мелькнула знакомая фигура. Виктор спрятался за выступом.

— Я здесь, — сказал он, как только часовщик, в спешке смотревший только под ноги, поравнялся с ним.

— Что? А? Ах, как вы меня напугали, товарищ! Что случилось?

— Да ничего, мне в эту сторону все равно домой идти, решил пройтись навстречу. Может, вы боитесь, что я подменю часы на подделку, — тогда можно до мастерской пройтись...

— Нет, что вы... Вот деньги, можете пересчитать. — И он протянул Виктору пачку купюр с размерами чуть больше современных, достоинством в сто и пятьдесят рублей. Виктор пере-

считал, несколько купюр посмотрел на свет уличного фонаря на Куйбышева, разглядывая водяные знаки.

— Ну что вы, товарищ, это же сберкасса...

— Привычка. — Он расстегнул браслет и протянул часовщику «Ориент». — Бывайте!

После провернутой сделки у Виктора поднялось настроение. По его расчетам, полученной суммы должно было хватить месяца на два скромной жизни. Прямо «рояль в кустах» в посредственном сериале, неожиданный выход из положения. Звон трамвая, промчавшегося мимо него, был похож на школьный звонок с урока. Прохожие уже тоже не выглядели такими озабоченными, как утром, по тротуару бегало необычно много детей, кто тянул маленького брата или сестру на санках, большей частью красных, из уголков («А у меня в детстве такие были!»), кто просто раскатывал валенками с галошами длинные черные ледяные полосы на утоптанном снегу.

Машины по Куйбышева, однако, проезжали нечасто, и среди них не было тяжелых грузовиков; Виктор догадался, что грузовое движение здесь запрещено. Он заметил синевато-зеленый «Опель-Капитан» с овальной газовой заводской маркой и шашечками на дверцах, пару машин — одна ярко-синяя, другая двухцветная, бежевый верх и коричневый низ, — которые спереди напоминали «Победу», а сзади — «Волгу» (Виктор успел разглядеть на заднем крыле надпись «Старт»), потом попался еще один «фольксваген». И еще проехала одна очень странная, двухместная, маленькая, как инвалидка, но напоминающая вытянутую летающую тарелку. Над сиденьями у нее был прозрачный колпак из слегка пожелтевшего плексигласа, похожий на самолетный фонарь. Судя по тарактенью, движок у малютки стоял от мотоцикла.

«Это, верно, у них вместо «запорожца», — решил Виктор и тут же вспомнил, что «в его годы» горбатый «запорожец» еще не должны были начать выпускать. Эта же мельница была явно постарше.

Он поймал себя на том, что его охватило чувство эйфории, смешанное с растерянностью. Можно идти куда угодно, но непонятно куда. Неподалеку было здание отдела кадров БМЗ, самого крупного завода области; но опять же что там делать без паспорта? К кому обратиться?

На завод, где Виктор когда-то работал, идти вообще бессмысленно — он только еще должен быть возведен в этом году. Стальзавод? Автозавод? То же самое. А может, на силикатный?

Особо контингентом он не избалован, работали там химики и студенты на практике, может, как-то и можно договориться. Опять же «Стройдеталь», может быть. Ну и дальше стройки разные по всему городу пошли. Хотя кто их знает, может, тут такой жесткий режим...

И тут Виктор вспомнил, что совсем неподалеку, в паре кварталов — БИТМ, институт, где он учился и который оставил в его жизни самые приятные воспоминания. Ему вдруг непреодолимо захотелось повидать знакомые места, посмотреть, как это было «до того», может быть, иначе, но все-таки, наверное, что-то сохранилось в старом корпусе, может, окно, на котором они в тот самый вечер сидели с Тamarой во время консультации во вторую смену; как давно это было, как же давно... «Да и вообще надо просто туда сходить, — думал Виктор, — не так важно, что там меня никто не знает, зато я знаю, я помню тех, кто должен быть. Камаев, Виткевич — да, тот самый, который был осужден вместе с Солженицыным, — Ольшевский... то, что я их видел, учился у них, сдавал, может быть, как-то поможет. Обязательно надо попробовать с ними поговорить».

Глава 7 САМОУЧКА-МЕХАНИК

Он хотел тут же рвануть через подъезд к арке и проезжую часть Куйбышева на другую сторону, но заметил, что публика аккуратно доходит до перекрестков. «Хм, наверное, тут милиция штрафует за переход в неположенном, как когда-то в Ленинграде. И за окурки тоже...» Действительно, валявшихся на заснеженном тротуаре окурков и мусора он не увидел, по всей улице аккуратно стояли урны и садовые скамеечки. Правда, снег со скамеечек был сметен не везде, но должен же быть в прошлом какой-то недостаток!

Вот знакомый угол, где был магазин «Ткани». Не всегда — когда-то в далеком детстве проезжал и видел, кажется, музыкальные инструменты. А сейчас что? «Детский мир». Вот он где, родимый. Ну что ж, самое для него место.

Бывшая XXII Съезда — Виктор не сомневался, что она здесь бывшая, — встретила его гулом грузовиков; вот где, значит, их направили-то до Литейной. А окружной-то нет, и все через город идет, значит, здесь. Аккуратные ряды высаженных деревьев возле тех же стройных панельных пятиэтажек с эркерами, дере-

вянные оградки палисадников. Сразу строят и озеленяют, значит, не то что эти наши уроды, что сводят в городе парки и рощи и на их место ставят убоищные коробки супермаркетов... Ага, вот и табличка: улица Джугашвили. Ну что ж, все логично: улица XXII Съезда была до переименования улицей Сталина. Еще в девяностом году местные демократы на этом прокололись: приняли как-то на «экологическом митинге» резолюцию вернуть этой улице старое название, а как узнали, как она раньше называлась, вопрос тут же и отпал.

Значит, после объединения Брянска и Бежицы главный проспект в Брянске не Ленина, а Сталина, и здесь не улицу Ленина переименовали в Ульянова, а Сталина — в Джугашвили. Теперь главное — во всем этом не запутаться.

А грузовиков, однако, тут хватает. Тяжелые, трехосные, похожие на ЗИС-150, — видать, они и есть самосвалы, они же легкие газики, как тот, что он с утра видел, полуторки и трехтонки, реже — старые ГАЗ и ЗИС, угловатые, вызывающие ностальгию, они казались вытасненными из какого-то музея. А вот ярославский, тяжелый, панелевоз... Виктор улучил момент и проскочил на другую сторону дороги.

БИТМ предстал перед ним в несколько неожиданном виде: вдоль улицы... как его... Джугашвили к «красной казарме» (так когда-то называли в народе отданное под институт бывшее здание гимназии, оно же старый корпус) было прибавлено до конца квартала длинное двухэтажное строение, похожее на цех, с высоким первым этажом и большими арочными окнами. По всей видимости, это был лабораторный корпус для нескольких кафедр. За углом, где когда-то находился плац военной кафедры, а потом появился самый новейший корпус, учебно-административный, высился кран, — и в этой реальности на этом месте что-то строили, но лет на сорок раньше. Со стороны Институтской — в этой реальности она так и осталась Ворошилова — корпус был тоже продлен до угла пристройкой. Таким образом, старый корпус должен был полностью охватить квартал. С другой стороны Ворошилова-Институтской появился пятиэтажный дом преподавателей и такой же высоты общежитие.

Виктор поднялся по знакомой лестнице входа на Институтской, то есть теперь уже или, вернее, еще Ворошилова, вошел в знакомые двери... Внутри тоже почти ничего не изменилось, вот только вахтерша внутри шестигранного барьера была явно вохровского вида, в синей форменной беретке, и на боку ее торчала кобура нагана.

«О как! Да институт прямо как военный объект охраняют».

— Пропуск покажите, гражданин! — потребовала вахтерша прямо с порога. Видимо, на непривычных людей у нее был глаз наметан.

— Да я на кафедру локомотивостроения. К заведующему, профессору Камаеву.

— Не знаем такого!

— Ну как же... Камаев же на кафедре работает?

— Нет такого на кафедре, и вообще с такой фамилией в институте нет. Хотите пройти — предъявите пропуск.

— Так, а Ульяницкий, Никольский, Кириллов? — Виктор перебирал по памяти легендарных отцов-основателей... «А вдруг их всех посадили? Как врагов народа или типа того? Вот влип...»

— Нет, никогда тут они не работали.

— А к кому тогда я могу обратиться на кафедре локомотивостроения? — Виктор интуитивно понял, что тут надо проявить нахальство.

«Эврика! Я — изобретатель-самоучка, хочу посоветоваться с преподавателями насчет изобретения. А что же я изобрел такого, что можно придумать в пятьдесят восьмом году? А много чего, например, тяговый привод, как на Коломзаводе, или... или вообще у Бомбардье. Утром нос за границе. Да, а пока добирался — паспорт посеял. Буду рассеянный изобретатель».

— Так вы, наверное, старшим лаборантом на кафедру устраиваться?

— Да. А что, разве уже взяли?

— Подождите. Сейчас позвоню. — Вахтерша подняла трубку на рогатом телефоне и попросила внутренний коммутатор соединить. — Иван Николаевич! Это с вахты звонят. Тут человек до вас пришел, говорит, в лаборанты наниматься. Пусть идет? А пропуск? Паспорт или регистрация есть с собой? — обратилась она уже к Виктору.

— Да я оставил, думал, сначала собеседование, и все такое...

— Не брал он с собой паспорта. Да. Да. — Она повесила трубку. — Сейчас сопровождающий придет, подождите.

«Регистрация, регистрация... Новое что-то. В дополнение к паспорту, что ли, надо?»

Вскоре пришел длинный молодой человек в куртке и с прической Тарзана — видимо, это было и здесь модно, — показал вахтерше свое удостоверение, сказал Виктору, что его зовут Ар-

сеней, и повел по длинному знакомому коридору со струнами открытой электропроводки на стенах.

— Простите, Арсений, а вы случайно ничего не слышали про Камаева Анатолия Алексеевича?

— Слышал, он в Ленинграде кафедрой заведует. Физическим моделированием динамики вагонов занимается. Мы вон тоже начали такую установку строить. Очень перспективное направление.

После нескольких вопросов Виктор понял, в чем дело. Войны и эвакуации вуза не было, кафедру локомотивов открыли не в сорок пятом, а в другом году, вот и получилось так, что набирали и присылали сюда других людей. А талант — он и в Ленинграде пробьется или в каком другом городе.

Кафедра располагалась в торце корпуса, где в бытность Виктора находилась библиотека.

— Профессор Волжанов с совещания только в субботу приезжает. С доцентом Тарасовым Иваном Николаевичем говорите, — подсказал Арсений. — Это он в отсутствие завкафедры по лаборантам решает.

«Волжанов, Тарасов... С такими не доводилось... Какие они хоть из себя?»

Виктор с ностальгическим удовольствием увидел на стенах плакаты с изображениями паровозов, тепловозов и электровазозов, локомотивных тележек, дизелей, электродвигателей, рам и прочих знакомых вещей. Вдоль стены стоял большой макет паровоза с тендером. Таких они уже не застали... ну ладно, что-нибудь сообразим по месту.

Доцент Тарасов оказался очень подвижным и энергичным человеком лет тридцати, с худощавым лицом и кудрявыми волосами.

— Так это вы? — спросил он у Виктора. — Сразу показывайте диплом техникума. Предупреждаю сразу — тут без среднего специального делать нечего.

Виктор бы с удовольствием показал диплом вуза. Этого самого. С отличием. Но, во-первых, диплом остался в другом мире, а во-вторых, диплом из будущего еще неизвестно какую реакцию вызвал бы.

— Тут вот какое дело... понимаете, я в основном самоучкой.

Тарасов устало провел ладонью по лицу.

— Я понимаю, конечно... и желание, и обстоятельства, и зарплата тут будет заманчивая, но вы, пожалуйста, поймите, что здесь просто гайки крутить мало. Здесь не те задачи. Здесь

нужен человек с инженерным мышлением, знаниями, эрудицией, чтобы не пришлось так, что пока объясняешь, проще самому сделать. Вот, например, скажите, что это? — И он указал на ближайший плакат.

— Антипараллелограммная шарнирно-поводковая муфта тягового привода, применяется в индивидуальных и групповых приводах локомотивов французского производства, — посыпал Виктор терминами: зря, что ли, он здесь учился? — Широкое применение началось после использования в шарнирах резино-металлических блоков. Для придания блокам долговечности резину надо запрессовывать в блоки с натягом от тридцати до пятидесяти процентов...

Иван Николаевич внимательно посмотрел на него.

— Ну-ну, продолжайте...

— Муфта имеет ряд недостатков. Первая — это кинематическое несовершенство, при вращении муфты появляется динамический момент. Вторая — это то, что при вращении плавающая рамка при расцентровке оси колесной пары и муфты создает неуравновешенную силу. Далее, из-за больших углов поворота шарниров происходит быстрый износ резиновых втулок, и невозможно передать крутящий момент, требуемый в грузовом движении. Поэтому, на мой взгляд, эта муфта через десять-пятнадцать лет выйдет из употребления.

— Да? И что же вы вместо нее предложите? Привод Жакмен с большими размерами шарниров? Или пластинчатые муфты?

— Зачем? Есть такая идея... Можно? — Виктор подошел к висевшей на стене черной доске и, как мог, нарисовал схематично привод одного из последних «подарков съезду». — Вот тут полый вал, четыре поводка в одну сторону. Такой закрутки шарниров нет. А можно и встречно-попарно поводки разместить.

Тарасов молча отодвинул его в сторону и полминуты вглядывался в рисунок. Затем он бросился к двери в застекленной решетчатой перегородке:

— Василич! Иди сюда! Вот, посмотри.

Из-за двери вышел мужчина чуть постарше, немного скуластый и с жесткими чертами лица. Он надел очки и посмотрел на доску, затем взял второй мел и начал быстро-быстро покрывать ее формулами и геометрическими схемами, прямо как в «Операции «Ы». «Во дает, — подумал Виктор. — Действительно «эпоха титанов».

— Таким образом, нагруженность шарнира у нас снижается в разы. Вот! — И он черкнул под одним из выражений. — Кто это придумал?

— Да вот, самоучка пришел.

— Ты брось разыгрывать! Я серьезно. Ты представляешь, что это такое? Ты представляешь, что это значит? Второй год на заводе бьются, и вот человек с улицы пришел и решает?

— Точно, он.

Тот, кого звали Василичем, посмотрел внимательно на Виктора сквозь очки.

— Вас как зовут?

— Еремин Виктор Сергеевич. Да тут просто как-то пришло в голову — а что, если поводки вот так вот повернуть, и...

— Почаще бы так всем в голову приходило. Слушай, а может, его вообще потом на преподавательскую? Ставицкий как раз в Харьков переводится. Как, пойдете?

— Да я бы с радостью, только, наверное, ничего не выйдет.

— Это почему же?

— Да я, собственно, без паспорта и прописки. И когда все это будет, неизвестно.

— Подождите, а вы что, регистрацию не хотите?

«Опять регистрация. Что же это такое-то?»

— Я не против. А что надо для этого?

— Никогда не слышали, серьезно?

— Да как-то не надо было, вот толком и не интересовался.

— Практически ничего не надо, гарантийное от института получите, что вас хотят принять на работу, и пойдете с ним в паспортный стол на Ленина, возле Красного Профинтерна, знаете?

— Ага. — Виктор подозревал, что паспортный стол на старом месте.

— А сейчас пойдете вот с Иваном Николаевичем к проректору насчет письма, а то он уже сейчас на совещание в исполком должен ехать.

...Проректора они поймали уже в коридоре. Тот оказался седоватым человеком небольшого роста, в зимнем расстегнутом пальто и с большим желтым кожаным портфелем с двумя замками. Доцент Тарасов быстро подскочил к нему с папкой, на которой сверху лежало заветное письмо, и авторучкой наготове.

— Ну слушайте, ну не на бегу же такие вопросы решать. Вы хоть знаете, кого берете?

— А вот он, пожалуйста, если какие-то вопросы...
— Да какие вопросы, это вы его берете, вы и спрашивайте.
Под вашу персональную ответственность.

— Под мою ответственность. Вот тут подпись, пожалуйста.
— Держите. Но теперь за исполнение сроков по четырнадцатому проекту...

— Какой разговор? Теперь с опережением сроков!
— Все. Ну вот, вспомнил, что Симагину забыл позвонить.
Ладно, возвращаться — плохая примета...

Проректор подошел к окну, поставил на него свой толстенный портфель и, расстегнув, вынул из него черную коробку с диском размером примерно с карманный справочник по физике Яворского, издания семидесятых. Затем он выдвинул из коробки антенну, длинную, как у приемника «Океан», и, покрутив диск, приложил к уху. Тут до Виктора внезапно дошло, что это мобильный телефон.

Ну и денек, однако. Берия во главе государства и живой Гитлер в пятидесятых — это еще как-то можно объяснить. Но мобила??? Первую «трубу» Виктор увидел живьем только в девяностых, после развала СССР. Считались они каким-то символом технического превосходства Запада, перенесенным на русскую почву, и вскоре они стали доступны практически каждому, хотя в России их не делали. Да, мобилник в руках у проректора был потяжелее «Самсунга», что лежал у Виктора в кожаном чехле, и эсэмэсок и прочих наворотов у него наверняка не было, но тем не менее было главное — это телефон, и по нему можно звонить.

— Ну все, идемте... Виктор Сергеевич!

Слова Тарасова вывели Виктора из ошолобления.

— Да вы, никак, от радости совсем дара речи лишились.

— Ну честно говоря, не ожидал. Так все просто решилось...

— А вы как думали? Советская власть не даст пропасть, было бы желание работать. Жилья у вас пока тоже нет? Тогда по гарантийке сейчас напишем записку в первое общежитие, проживете пока в студенческом. Ребята там спокойные, вы там тоже смотрите — с выпивкой, курением там никаких...

«Это я уже понял», — подумал Виктор.

В общежитии ему дали ключ от комнаты и показали кровать. В комнате было четыре аккуратные койки с металлическими спинками и тумбочками, два стола, чертежная доска и встроенный шкаф. «Как они не боятся сюда незнакомого человека вселять?» — удивился он, потом понял, что тырить тут особо нече-

го, по крайней мере для человека, работающего на кафедре. Либо то, что у всех есть, либо нечто странное, вроде яркого оранжевого галстука с обезьяной. Ну и еще куча книг, чертежей и тетрадей.

Глава 8 «БУДЬ СТИЛЬНЫМ!»

На обед в институтском буфете — яичница с колбасой, кефир, сметана, каша, салат и пирожки — ушло около трех рублей. Как дешевый вариант комплексного обеда в его время. Видимо, действовали наценки. Виктор подумал, что если завтрашняя регистрация выгорит, то надо покупать посуду и готовить в общеаг. Впрочем, регистрация оставалась загадкой. А вдруг там заметут — за бродяжничество или как подозрительную личность? Хотя абсолютная уверенность Тарасова вселяла оптимизм.

После обеда Виктор вернулся на кафедру — знакомиться с местом будущей работы. До этой самой регистрации мотаться по городу особо не хотелось. Да, потом надо будет купить газеты и вникнуть во внутреннюю и внешнюю политику, а то ляпнешь что-нибудь не то.

Иван Николаевич уже был в лаборатории — она занимала один из отсеков того самого цехового корпуса, что вытянулся вдоль улицы Джугашвили. На первом этаже на почетном месте оказался знакомый камаевский стенд — на деревянной горке, еще пахнувшей свежей олифой. Не хватало только плаката с изречением про аффинные системы.

— Ну вот и наша «детская железная дорога». Совсем как в Ленинграде. Тоже под четырнадцатый проект.

— Изучение горизонтальной динамики экипажа в кривых методом физического моделирования?

— Тоже читали про это? Это хорошо. Значит, меньше придется объяснять. Слышали же, по четырнадцатому проекту сроки сжатые.

— А что это за четырнадцатый проект — секретный, что ли?

— Нет, сугубо гражданский. Вы ведь, конечно, знаете о плане реконструкции линии Москва—Ленинград, где поезда будут ходить со скоростями двести-двести пятьдесят километров в час?

«Ну конечно не знаю. Откуда мне о нем знать-то?»

— Ну кто же о нем не знает! Грандиозный замысел, даже не верится...

— А, простите, во что именно вам не верится? — Иван Николаевич удивленно взглянул на Виктора. — А то, чего достигли в рейхе, — это что, тоже невероятно? То, что рейхсбан уже регулярно использует с такими скоростями на отдельных линиях электрички Сименса и электровозы Альстома? А поезда трансъяпонской магистрали «Сакура»? Тоже не верится? А они, между прочим, взяли за основу советский габарит! Да, американский конгресс принял решение в пользу развития в первую очередь авиационного транспорта, так называемых реактивных воздушных автобусов, но это же понятно — у американских империалистов колонии во всех частях света, для них авиация важна стратегически, в том числе и для переброски экспедиционных корпусов в любую часть света. Или же на вас повлияла пропаганда тридцатых годов, с рассказами об отсталой России, которой только и осталось, что учиться у передовых стран? Но ведь было признано, что это перегиб...

— Нет-нет, я совсем о другом, — поспешил поправиться Виктор. — Просто это предлагал в начале века еще Кошкин, потом, в тридцатых, были работы по аэропоезду Вальднера — триста пятьдесят километров в час, если не ошибаюсь, — потом рекордные паровозы строили в Луганске... то есть Ворошиловграде, и Коломне для «Красной стрелы»...

— Ну это же совсем другой вопрос! Понимаете, все эти проекты были основаны на типичном для капитализма принципе развития транспорта — дороги проектируются под стихийное развитие производительных сил и заселение местности. Поэтому скоростное движение Москва—Ленинград было невыгодным: слишком малая плотность населения у нас вдоль дороги по сравнению с Центральной Европой или Японией. Получается, что это движение для пассажиров, которые ездят от Москвы до Ленинграда, а для таких уже сейчас создаются самолеты на сто, двести и даже в ближайшем будущем на триста мест. Советская же плановая экономика позволяет реализовать другой вариант. Представьте себе, что одновременно с дорогой вдоль нее строятся жилые поселки и развиваются существующие и возводятся промышленные зоны. То есть Москва и Ленинград будут расти не равномерно вширь, что порождает транспортные проблемы, а вдоль транспортных коридоров, — мы получаем как бы скоростное метро. Нынешние

индустриальные технологии строительства домов, городских улиц, коммуникаций позволяют возводить новые поселения и промышленные объекты невиданными темпами. В этой застройке по нескольким путям будут раздельно ходить скоростные поезда с частыми остановками, с редкими — между узлами застройки и, наконец, экспрессы. Грузовые поезда тоже пойдут отдельно. Магистраль строится от Москвы до Ленинграда в соответствии с развитием застройки, так что готовые участки сразу же обеспечиваются пассажиропотоком ближней и средней дальности и быстро окупаются — это выгоднее, чем если бы мы построили сразу всю магистраль и долго ждали, пока вся она окупится от пассажиров из двух городов. Спустя годы магистраль и застройка встретятся в районе Бологого, причем расходы на нее уже будут возмещены народному хозяйству.

— Здорово! Это значит, вместо отдельной дороги комплексное развитие мегаполисов получается?

— Вот именно. Такие же лучи пойдут от Москвы в сторону Киева, Харькова и других крупных городов, Москва соединится с Рязанью, с Калугой и Брянском, Ленинград с Новгородом. Мы сейчас участвуем в создании электровозов на двести километров в час, которые будут водить легкие двухэтажные вагоны из алюминиевых сплавов — опытные образцы их уже испытывают.

«А ведь у них, черт возьми, получится, — мелькнуло в голове у Виктора. — Построить вдоль дороги этакую Европу или Японию... и автомобилей не надо столько будет, все в доступности скоростных поездов, вышел на станции — тут тебе и все рядом: на одной — заводские проходные, на другой — спальный микрорайон с универсамом. Чудак я, удивить хотел достижениями разума двадцать первого века. Да они сами кого угодно удивят. Обидно только: технические возможности у нас тоже еще когда были, а вот чтобы в таком виде на задачу посмотреть...»

Тут в лабораторию зашла какая-то дама и сказала Тарасову, что его зовут к телефону; надо понимать, мобильники были все же еще редкостью. Виктор на несколько минут остался один. Разглядывая стенд, он обнаружил, что одна из досок на боковой стенке отходит. Он потянул ее — как оказалось, она прибита на нескольких небольших гвоздях и легко отстает. Виктор спешно выхватил из кармана куртки полиэтиленовый пакет, завернул туда российские деньги, паспорт и отключенный мо-

бильник с чехлом, сунул в образовавшуюся щель и тут же приладил доску на место. Получился тайник — конечно, не совсем безопасно прятать все это на месте своей работы, но потом можно будет найти что-то получше.

По винтовой лестнице за дверью застучали каблук. Вернулся Иван Николаевич.

— Да, вот еще, как-то сразу забыли обговорить, а вы, видимо, спросить стесняетесь. Если не бить баклуш, то с премиями, с хоздоговорами и прочим у вас будет выходить в месяц пятьсот рублей. Ну и потом, можно подрабатывать — редактирование переводов, прочая творческая работа. Планы напряженные, грамотного народа не хватает. Устраивает?

— Да, вполне. «Сто рублей новыми в пятьдесят восьмом? Вполне, вполне...»

Остаток рабочего дня ушел на ознакомление с чертежами стендов, схемами распайки тензодатчиков, ознакомление с матчастью самописца, измерительных мостов и усилителей. Кроме того, Виктор нашел в лаборатории труды по физическому моделированию и усиленно освежал память. «А ведь когда-то сдавал...»

После работы он зашел в продуктовые и взял на ужин бутылку молока, брынзу и булку («Посуду можно будет завтра с утра сдать»). Тащить все это в руках в бумажных пакетах было неудобно; он завернул в универмаг и взял там синюю нитяную сетку-авоську, а заодно вспомнил о том, что надо будет бриться; пришлось брать еще мыльницу, белое туалетное мыло и недорогой черный станок с пачкой безопасных лезвий «Нева». Еще немного подумав, он присовокупил к джентльменскому набору зубную щетку и пасту «Мятная» в белозеленом тюбике. Одеколон, конечно, не роскошь, а гигиена, но это чуть позже.

Входя в общежитие, он обратил внимание на большой плакат в вестибюле. На нем были изображены ярко, но со вкусом одетые парень и девушка гламурного, как бы сейчас сказали, вида на фоне новых домов и цветущих яблонь. Надпись внизу гласила: «Будь стильным!»

Интересно, что это значит? И он как, стильный или нет? Впрочем, подумал Виктор, и в его детстве попадались странные плакаты. Например: «Пейте кофе!» Видимо, в этом тогда был смысл: кофе закупили, а спроса на него не было...

Возле вахты висел транспарант проще и лаконичней: «Бога нет».

В комнате, куда его подселили, уже был народ — крепкий рослый парень, которого по виду можно было отнести к стильным: кок, пестрая рубашка и узкие, но как-то в меру, как в старых зарубежных фильмах, брюки, и девушка, чем-то напоминавшая Лолиту Торрес. Сидели они за положенной на письменный стол чертежной доской, к которой был приколот лист ватмана.

— Здравствуйте. Не помешал? Меня тут временно подселили. Виктор Сергеевич, устраиваюсь лаборантом.

— Не, не помешали. Вадик. А это — Джейн.

— Женя, — поправила его девушка. — Вечно ты со своими глупостями. Ладно, не отвлекайся. Вот что ты сделал с этим сечением? Разве это так надо строить? Вот, смотри...

Виктор повесил одежду в стенной шкаф, развернул свертки и принялся за трапезу. Закончив, он встал, чтобы пойти вымыть бутылку, когда в комнату влетел шустрый долговязый пацан.

— Салют, чуваки! — крикнул он с порога. — Вад, а к тебе что, родители приехали?

— Нет, это подселенный. На кафедре будет работать.

— О, добрый вечер. Геннадий. Можете просто Гена.

— Виктор Сергеевич. Можно просто Виктор.

— Слушай, просто Гена, — в разговор вмешалась Женя, — Санек когда обещал мой конспект вернуть?

— О, Евгения! — воскликнул Гена делано-трагическим голосом. — Александр не в силах сдержать обещаний, данных всем дамам. Сегодня у него пожар сердца, и он пропал вместе с конспектом до комендантского часа. Утром будет, как штык часового на посту номер один.

— Да? А мне по чему готовить?

— Слушай, но ты же и так все наизусть знаешь на «отлично». А выше «отлично» Зеленцов все равно на семинаре не поставит. И на экзамене тоже. Система оценок есть предел самосовершенствованию человека.

— Сказала б я тебе!.. А ты не отвлекайся! — обернулась она уже к Вадиму.

Виктор сполоснул пустую бутылку на кухне и поставил в пустой нижний ящик тумбочки — в верхнем расположились мыло, бритвенный прибор и зубная щетка. Он вспомнил, что так и не взял газет, и надо будет как-то обходить вопросы международного положения. «Может, по радио что-то расскажут», — подумал он. Однако из коричневого пласт-

массового динамика, что висел на стене, доносились только легкие джазовые мелодии. Политикой здесь явно не особо напрягали.

А ведь международное положение тут явно не такое. Значит, Франция в рейхе... у Америки колонии по всему земному шару...

Интересно, у них здесь есть в общаге красный уголок или читальня? Или вот — взять и спросить у студентов учебник истории партии, посмотреть, что и как тут трактовать положено. Отличная идея. Как это только сделать, чтобы странным не посчитали...

Но не успел Виктор закончить мысль, как в дверь опять постучали и вошел парень постарше, видимо, старшекурсник, в спортивном свитере и коричневых брюках в полоску.

— Вечер добрый. Кто из этой комнаты сегодня на дежурство?

— Я вчера был, — отозвался Вадим.

— А я — завтра, — улыбнулся Гена. — Сэ ля ви.

— А вы, товарищ...

— Я работать поступаю, тут подселен временно. Виктор Сергеевич.

— Никодимов Алексей. Извините, что сразу не представился. Вы в институте работать будете? А общественное поручение вам уже определили?

— Нет, я же еще устраиваюсь.

— Понимаете, все равно надо будет какую-то общественную нагрузку нести. Как вы смотрите на то, чтобы дежурить в Осодмиле? В нем могут дежурить и комсомольцы и нет. А то мало ли, дадут такую, к которой душа не лежит, а Осодмил — это и почетно, и за активную работу бесплатным проездом премируют.

«То есть что-то вроде народной дружины или комсомольского оперотряда, — догадался Виктор. — Ну ладно, это хоть что-то знакомое».

— А в Осодмил вступать надо или членские взносы платить?

— Нет, никаких членских взносов, только ходить на дежурства.

— Ну я не против...

— Вот, как раз сегодня и идете на дежурство.

— Подождите, а как же без удостоверения?

— Да выдадут потом удостоверение, главное, чтобы живое участие было, а бумаги все оформят.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора, или Мы типа все из будущего</i>	5
Часть первая. ВХОД БЕЗ ПРОПУСКА	7
Часть вторая. ЧЕЛОВЕК НЕ ОТТУДА	139
Часть третья. РЕЙХ, ВЕЧНЫЙ РЕЙХ	291